

Е.К. Сычова (г. Могилев, Беларусь)

КОНЦЕПТ “ДУША” В КАРТИНЕ МИРА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ А. АВРУТИНА

Концепт Душа играет важную роль в русской национальной картине мира. Рассмотрим языковую репрезентацию данного концепта и его соотношение с другими концептами в поэтических произведениях А. Аврутина. По словам Н. Переяслова, посвятившего статью рассмотрению творчества поэта, “поэзия была и остается главной хранительницей и охранительницей духовно-философских, идейно-эстетических и нравственно-психологических ценностей нации” [1, с. 115].

Концепт Душа в картине мира лирического героя поэта является основой концепта Человек, так как люди – это не безликие “толпы угрюмых телес бесполезных” (“Простуженный город над стоками шумно плывет...”), у них есть лица, а главное, у них есть душа. Не случайно душа в произведениях поэта персонифицируется, существует как будто отдельно от лирического героя, хотя при этом остается внутри тела: *Где и твоя обманщица-душа / Болит внутри обманутого тела* (“В зеркальной раме вовсе не чело...”); *Возвращусь... Пошептавшись с душой, / Сколок дня положу на бумагу* (“Сжав ругательство под языком”). Тело и душа противопоставлены друг другу, но в то же время сопряжены. При этом поэт достаточно часто обращается к номинации “душа”, номинация же “тело” используется редко, причем тогда, когда речь идет об отсутствии у человека души. Персонифицируя душу, А. Аврутин избегает авторского “я”, предпочитая односоставные предложения – в стихотворных текстах можно обнаружить весь их спектр. Ср., например: *Тихо заплачешь о многом...* (“Помнишь холодные грозы...”), *Брести беременной дорогой, / Совсем не думая о том, / Что зябко...* (“Брести беременной дорогой...”), *Полнолуние... Озноб... Весна... / Ком под горлом, и нету мочи.* (“Полнолуние... Озноб... Весна...”).

Душа для поэта – и воплощение внутреннего мира человека, его переживаний, и начало, связанное с Богом. Она может причинять физические страдания: *По ребрам бьет душа под зябкой кожей / И все грозит: “Посмотришь, отгорю – / И стану лишь на искорку похожей!”*, однако “к ударам изнутри привычно тело” (“Уже сочится строчка по стеклу...”). Душа таится “под ребрами”, в сердце, но может покидать тело: *Душа обреталась везде и нигде, / Больна, но послушная давним обетам* (“Морщинилось небо...”). Тело умирает, а душа парит над землей: *И над землей полуостылой / Парит душа* (“На покореженной аллее...”), а затем уходит в небосвод, “в тот простор, где лишь ветер и Бог” (“Сколько нищих прошло...”), “в бездну бездн” (“Стопанное небо”). Земная жизнь для поэта – “только искра, блессточка, мгновенье Для бездны, что без края и без дна” (“Все умирает – тело и сосна...”). Где обретается душа до прихода на землю и где оказывается после смерти тела, что есть бездна – не ясно.

Тело, организм человека, – это и вместилище души, и воплощение земной жизни. А. Аврутин перефразирует известный фразеологизм “войти в плоть и кровь”: *Безмерный мир впусти в гемоглобин – / Осколком света, жилочкой, мычаньем...* (“Всего три ноты, слышишь?...”). Современная номинация “гемоглобин” символизирует основу жизни с ее страстями и переживаниями. Здесь же обнажается органичная связь души и тела: сердце, вместилище души, гонит по телу кровь, в которой “мерцает” гемоглобин,

“словно ангел впотьмах” (“Вновь пузырится звук...”). Однако, по мнению поэта, не красота мира и не чувства остаются в душе умудренного жизненным опытом человека: *Все равно в душевном пиятиструнье / Сохранится божье: “Аз воздам!” / А совсем не ночь на новолунье / В сумасбродный месяц Мандельштам...* (“Новолунье... Третье Мандельштама...”).

“Душа” и “дух” в религиозном смысле слова – синонимы, но у А. Аврутина данные слова различаются по значению – дух связан с поисками истины, это, скорее, сознание, разум. Просматривается противопоставление “дух – плоть”, аналогичное противопоставлению “душа – тело”: *И слов ненужная проказа / Не обращает в язву плоть, / А изъязвляет дух сомнением...* (“Где взгляд, расплющенный окном...”). В результате образуется треугольник: душа, дух, тело, – так как “плоть” и “тело” – слова-синонимы. Единство души, духа и тела – это и есть Человек.

Произведения поэта насыщены вопросами – пищей для духа. “Что истинно?” – вопрошает поэт в одноименном стихотворении, но ответа не находит, так как время “бездушно” и “смятенно” (первое определение связано с понятием душа, а второе – с понятием дух). Двадцатый век искажает видение и понимание мира: человек воспринимает мир наоборот (“На устах не слово, а словечко...”), этот век приносит “горе уму, Когда этот ум существует для горя, Впотьмах приближая вселенскую тьму” (“В двадцатом столетии...”), то есть поиски истины оборачиваются бедой.

Постижть истину возможно, для этого, по мнению поэта, необходимо очистить душу захолустьем, потому что здесь становишься ближе к природе, потому что это и есть “неказистая Родина”, малая родина Человека. Постижение истины для поэта связано с постижением “большой” Родины, Отчизны (“Я все бреду... И прошлого боюсь...”). Именно здесь приходишь к осознанию: *Все истинно... / Прозренью нет предела* (“Как странно! – жить...”). Средоточие души – сердце – вмещает в себе все то, что дорого лирическому герою поэта: *И как-то вмещаются в левом предсердьи / И Черная речка, и Белая Русь* (“И снова играют...”).

Таким образом, концепт Душа в картине мира лирического героя А. Аврутина связан с тремя концептами, названными им самим в стихотворении “Снова раскаркались птицы небесные...”: “Родина... Истина... Бог...”. Но связь эта достаточно сложная: Душа стремится к Богу, через Дух Душа пытается постижть истину, через Тело Душа связана с Родиной.

Где же искать гармонию? Где сходятся Родина, Истина, Бог? А. Аврутин отвечает на этот вопрос стихотворением “Женщина”. Женщина получила от Бога способность давать жизнь, и потому женщина – это истина, женщина – это Родина. Именно женское начало возвращает миру гармонию. Корни такого миропонимания скрыты в глубокой древности, когда

“женские существа и «женские» явления природы, творящие жизнь на земле, обожествлялись и были предметом религиозного почитания” [2, с. 146].

В свете сказанного представляется важным стихотворение “Эта мудрость веками завещана...”. Здесь очевидна перекличка со стихотворением Ю. Левитанского “Каждый выбирает для себя...”: *Каждый выбирает для себя / женщину, религию, дорогу.* У Ю. Левитанского на первом плане – проблема выбора, которая встает перед каждым человеком, и ответственности за выбор, но только перед собой: *Выбираю тоже – как умею. / Ни к кому претензий не имею. / Каждый выбирает для себя.*

Иначе у А. Аврутина: наш выбор дает основания нас оценивать – поэт преподносит это как мудрость, “завещанную веками”. А. Аврутин посвящает каждой ипостаси отдельную строфу. Сам выбор уже является поиском истины. Как и у Ю. Левитанского, выбираем мы женщину (читай: Истину): *“Посмотрите, какая с ним женщина, / И поймете, какой человек...”,* религию (Бога): *Посмотрите, кому поклоняется, / И поймете, какой человек,* дорогу (Родину): *А когда все дороженьки пройдены, / Все что мог сотворил и изрек, / Посмотрите, что сделал для Родины, / И поймете, какой человек.* Выбор – поиск истины – дает возможность понять, насколько мы люди, есть ли у нас душа – или только брренное тело.

Человек у А. Аврутина предстает в триединстве души, духа и тела, но сущность его определяется душой.

Литература:

1. *Переяслов, Н.* Код души народа. Размышления над книгой поэзии Анатолия Аврутина «Август в декабре» / Н. Переяслов // *Беларуская думка.* – 2009. – Ноябрь. – С. 114-117.
2. *Маковский, М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М., 1996. – 416 с.